

На самом деле это дело не касалось ни поваров, ни закупок. Просто управляющий Чжуан был очень расстроен тем, что Оуян провалялся в постели целый день, и потому воспользовался своими полномочиями, чтобы слегка поддеть Оуяна за ужином, заодно высказав своё недовольство Ци Юньхэном как «императорской супругой».

В сердце управляющего Чжуана Ци Юньхэн мог считаться лишь второй женой Оуяна, а настоящей хозяйкой дома была та, на которой Оуян женился более ста лет назад.

Та тоже была простой смертной, и их брак тоже был заключён по прихоти судьбы, но та жена никогда не презирала его господина, более того, родила ему прекрасного наследника. После того как с Оуяном случилась беда, та жена вместо него поддерживала весь дом Оу, позволив продолжиться и крови Оу, и роду Оу, дав Оуяну возможность и шанс вернуться в мир живых.

А Ци Юньхэн? Когда он вошёл в дом Оу, он был всего лишь птенцом, у которого ещё не отросли перья, и только благодаря заботливому уходу его господина смог расправить крылья и взлететь. А первым делом, как только научился летать, отбросил его господина и отправился искать более высокую ветку. Истинно, даже хуже, чем неблагодарный волк!

А теперь, когда у него уже есть женщины и дети, вдруг вспомнил и вернул его господина греть постель...

Э-эх! Пф!

Кому это, чёрт возьми, нужно!

Мысли управляющего Чжуана Оуян прекрасно понимал, но не мог объяснить их Ци Юньхэну, да и не считал, что сравнение мужчины и женщины, которое делал управляющий Чжуан, было правильным.

Уход Ци Юньхэна в своё время, конечно, был бессердечным и неблагодарным, но разве для Оуяна того времени это не было своего рода избавлением? Даже нынешнее воссоединение после разлуки Оуян рассматривал с точки зрения использования его положения и власти для собственной выгоды, а также для обеспечения будущего своей племянницы и прочих соображений.

В конце концов, оба они были предельно эгоистичны, точно ворона на свинье — ни один не имел права смеяться над другим.

Не увидев на лице Оуяна ничего необычного, Ци Юньхэн перестал об этом думать. К тому же в прежние годы Оуян и правда очень любил есть цзяоцзы, возможно, сегодня вечером он просто захотел их, вот и получился такой, казалось бы, нелогичный и не соответствующий правилам ужина.

Взяв наугад несколько пельменей и отправив их в рот, Ци Юньхэн ещё больше «подтвердил» свою догадку.

Повара, которых Оуян привёл во дворец, в конце концов, не были такими смелыми, как управляющий Чжуан. Даже получив указание от управляющего Чжуана, они всё равно нашли способ оставить себе путь к отступлению. Хотя на ужин были только пельмени, начинки в них были самыми разнообразными, и не одного вида. Три деликатеса, рыбная, креветочная с крабом, грибы и древесные ушки со свининой, зелёный перец, очищенный от семян, с мясом... в сумме набралось ровно десять видов, что символизировало совершенство.

После того как Оуян распорядился добавить закусок, кухня быстро донесла четыре мясных и четыре овощных блюда, наполнив круглый стол до краёв.

Управляющий Чжуан с той стороны тоже понимал философию «знать меру» и не стал вмешиваться, продолжая добавлять Оуяну неприятностей. Увидев, что повар незаметно сгладил ситуацию, он тоже бесшумно удалился, оставив дело обслуживания евнухам, которых привёл Ци Юньхэн, и двум служанкам — Таохун и Люлюй.

Ци Юньхэн, не знавший подоплёки происходящего, уже разыграл аппетит этим редко встречающимся во дворце домашним пельменям и не заметил ухода управляющего Чжуана. Но по мере еды он обратил внимание, что служанки Таохун и Люлюй, прислуживавшие Оуяну, были, кажется, слишком осторожны и не так хорошо знали некоторые мелкие привычки Оуяна, как он, спавший с ним десять лет тому назад.

Вспомнив те странные правила, которые Оуян установил для своих слуг, Ци Юньхэн спросил между делом:

— Эти Таохун и Люлюй — новые?

— Да, их сменили только в конце прошлого года, сейчас ещё совсем свеженькие! — Оуян с налётом шуток вздохнул.

Таохун и Люлюй, уловив скрытый в словах двоих упрёк, поспешили преклонить колени и попросить наказания:

— Служанки плохо прислуживали, просим господина наказать.

— Встаньте, — махнул рукой Оуян. — Вы обе были выбраны по правилам моего двора, если и виноваты, то сначала я, как хозяин, а уж потом вы две.

Оуян больше всего любил красный и зелёный цвета, поэтому двух служанок первого ранга, которых он обычно держал при себе, называли именами этих двух цветов. Как бы ни менялись люди, имена всегда были Таохун и Люлюй.

Со временем Таохун и Люлюй превратились из имён в должности.

Но служанки ни в каком доме не могли всю жизнь быть при господине, повзрослев, их нужно было выдавать замуж, а тех, кого не выдавали замуж, в девяти случаях из десяти хозяева забирали в наложницы.

Оуян не ел траву у своего порога, но и не мешал женщинам при себе строить планы на будущее.

Вернув себе право распоряжаться собственной жизнью, Оуян установил для служанок при себе правило смены раз в пять лет. Когда срок подходил, из кандидаток выбирали подходящих по возрасту, с покладистым характером и ловкими руками, а уходящие служанки, если хотели выйти замуж — выходили, если не хотели — могли развиваться в должностях бухгалтера, управляющего и других, не требующих публичного появления. Самые выдающиеся могли даже перейти к Су Су и вместе с ней управлять теми делами, до которых у мужчин могло и не дойти.

Но служанок, выдающихся до такой степени, было поистине мало, за двадцать лет нашлось всего две, и то они были на одной должности — Таохун и Люлюй.

Су Су как-то вскользь упомянула Оуяну, что эти двое, возможно, были парой «клятвенных сестёр».

Таохун и Люлюй, выбранные Оуяном, не подлежали управлению Ци Юньхэна, но, заговорив о слугах, Ци Юньхэн не удержался и высказался, довольно много пожаловавшись на оставшихся от прошлой династии служанок и евнухов, а также на то, что во дворце, казалось бы, не хватает людей, но общая численность, если подсчитать, могла напугать.

— Старайся зарабатывать деньги! — Оуян положил кусок копчёного мяса Ци Юньхэну в рот. — Тех, кто будет есть за твой счёт, станет всё больше.

— Если бы деньги могли купить всё, было бы легко, — Ци Юньхэн вздохнул, разжёвывая и проглатывая копчёное мясо во рту. Он уже собрался ответить Оуяну, поднося ему еду, как вдруг сердце его дрогнуло, и он выпалил:

— Чунъянь, почему бы тебе не помочь мне управлять внутренней казной?

Оуян опешил, приподнял бровь и спросил:

— Только внутренней казной?

Этот вопрос заставил опешить и Ци Юньхэна.

Ци Юньхэн изначально просто бросил это вскользь, даже не надеясь, что Оуян согласится, но, услышав, что Оуян не отказал наотрез, сразу осознал, что это действительно можно обсудить.

— Чунъянь согласен взяться? — Ци Юньхэн тут же переспросил.

Оуян не ответил сразу, прикусив палочки для еды, обдумал выгоды и потери, а затем сказал:

— Сначала договоримся: даже если я возьму на себя внутреннюю казну, я не смогу сразу её наполнить, возможно, сначала будут убытки в течение нескольких месяцев или даже полугода.

— Понимаю, — поспешно сказал Ци Юньхэн. — Начало любого дела трудно, что бы ты ни делал, нужно постепенно продвигаться вперёд, есть процесс.

— Кроме того, с неба пироги не падают, и в казне золото и серебро сами по себе не вырастут. Чтобы внутренняя казна стала богатой, в конце концов, нужно заниматься бизнесом, зарабатывать деньги на бизнесе. — Оуян сделал серьёзное лицо, подчеркнув. — С вывеской императора заработать деньги, конечно, можно. Но когда действительно заработаешь, некоторые сытые бездельники или те, кто ест чужой хлеб, непременно выскочат придраться, навесят ярлык «конкурировать с народом за прибыль». В тот момент, если ты посмеешь выставить меня козлом отпущения, не пеняй, что я перевернусь и стану беспощаден!

— Как можно! — решительно возразил Ци Юньхэн. — Если я даже с такими мелочами не справлюсь, как же я смогу стать правителем Поднебесной? Лучше уж поскорее отречься и уступить место достойному!

— Ладно, раз с этими двумя пунктами проблем нет, осталось последнее дело. — Оуян прочистил горло и торжественно сказал. — Слушай внимательно: раз деньги заработаю я, то, сколько бы ни заработал, твои наложницы и дети не имеют права на долю, даже полмедной монеты — и то не обсуждается!

Ци Юньхэн наконец не смог сразу ответить, взглядом обвёл окружение, увидел, что в комнате либо его доверенные лица, либо верные слуги со стороны Оуяна, затем протянул руку, вынул палочки для еды из руки Оуяна, положил на стол рядом, а потом мягко сжал эту руку.

— Чунъянь, будь спокоен, — медленно произнёс Ци Юньхэн. — По правилам, со стороны государственной казны ежегодно будет выделяться часть налоговых поступлений во внутреннюю казну, а задний двор изначально является продолжением внешнего двора, использовать эти доходы — неоспоримо — конечно, «Мы» тоже постараемся контролировать масштабы заднего двора, ни в коем случае не допустим, чтобы он разросся до такой степени, что этими деньгами его будет не прокормить.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16203/1454361>